

БЕЛЫЕ ПЯТНА, ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ: АСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Научный прогресс, которым характеризуется весь XX век, отразился не только на обыденной человеческой жизни, но и на творческой.

В лирике И. Бродского образ вселенной употребляется прежде всего в прямом значении и отождествляется с космосом и человеческим миром. Так, в стихотворении «Лучше всего / спалось...» Савеловский вокзал называется тупиком вселенной: «Лучше всего / спалось на Савеловском. / В этом / полузабытом сержантами / тупике Вселенной» [1, т. 1, с. 34].

Одна из немногих негативных коннотаций относится к номинации мира людей, не желающих знать поэзию. Этот мир обоснованно сравнивается поэтом с «глухонемой вселенной»:

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашли, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретши речи дар в глухонемой Вселенной [1, т. 3, с. 178].

В стихотворении из цикла «Часть речи» «Заморозки на почве...» вселенная прочитывается в пределах человеческого мира: «в поисках милой всю-то / ты проехал вселенную» [1, т. 2, с. 411].

В «Эклоге 4-й (зимней)» (1980) Бродский описывает отношения между временем и вселенной. А в пятой части стихотворения поэт утверждает: «Время есть холод [1, т. 3, с. 14]» — и развивает свою мысль

далее: «Время есть мясо немой Вселенной. / Там ничего не тикает [1, т. 3, с. 17]». Фактически здесь происходит описание свойств космоса: во-первых, в нем не существует времени как такового, и, во-вторых, звук не распространяется в космосе (вакууме). На протяжении всего периода творчества Бродский осознанно применяет ряд физических реалий к поэзии как таковой.

В поэтическом мире Бродского существует пять видов скоростей, некоторые из них заимствованы из физики и обозначают те же самые физические явления, что и в науке: скорость света и скорость звука. Наряду с ними Бродский говорит и о скорости мира, и о скорости зрения, и о скорости внутреннего прогресса.

В 1973 году в стихотворении «Лагуна» Бродский впервые прибегает в своем творчестве к физическому термину «скорость света» и отождествляет его с выдуманной физической величиной «скорость зренья»:

В эпоху тренья
скорость света есть скорость зренья;
даже тогда, когда света нет [1, т. 2, с. 321].

В «Эклоге 5-й (летней)» поэт трансформирует известнейшую формулу А. Эйнштейна $E = mc^2$, отрицая тождество $m = E/c^2$: «Данная масса, / увы не кратное от деленья / энергии на скорость зренья / в квадрате, но ощущение тренья / о себе подобных» [1, т. 3, с. 36]. В поэзии Бродского назван особый локус, где может существовать скорость света, — пустота (космос): «И скорость / света есть в пустоте [1, т. 2, с. 456]». В более поздних стихотворениях скорость света воспринимается Бродским как возможность вечной жизни, так как свет может проходить огромнейшие пространства вселенной многие миллиарды лет:

С другой стороны, взять созвездия. Как выразился бы судья,
поскольку для них скорость света — бедствие,
присутствие их суть отсутствие, и бытие — лишь следствие
небытия [1, т. 4, с. 24].

В поэтическом мире Бродского магистральной физической величиной за счет своей соотнесенности с голосом / творчеством / языком становится скорость звука:

Эти слова мне диктовала не
любовь и не Муза, но потерявший скорость
звука пытливый, бесцветный голос [1, т. 2, с. 351].

Помимо указанных физических величин — скорости света и скорости звука — Бродский обращался к образу черной дыры, являю-

щейся такой областью в пространстве-времени, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть ее не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света. Именно это свойство черных дыр описано в шестнадцатой части стихотворения «Полдень в комнате»:

Но, как звезда через тыщу лет,
ненужная никому,
что не так источает свет,
как поглощает тьму,

следуя дальше, чем тело, взгляд
глаз, уходя вперед,
станет назад посылать подряд
все, что в себя вберет [1, т. 2, с. 453].

В более позднем стихотворении «Тритон» поэт называется еще одно свойство черной дыры — искривление пространства: «У тел и у их небес / нету, как ни криви / пространство, иной среды» [1, т. 4, с. 33].

Таким образом, И. Бродский начиная с середины своего творческого пути прибегает к конкретным физико-астрономическим величинам, объектам, формулам и накладывает на них свою эстетико-философскую установку (лингвоцентризм).

Список литературы

1. Бродский И. Собр. соч. : в 4 т. СПб., 1992.